

ВЗЛЕТ-ПОСАДКА

Позапрошлую субботу
 От летающих объектов
 Небо ночью помутнело
 В головах шести субъектов.
 Синий дым поплыл по крышам,
 Буровые вышки стонут.
 Уши напряженно слышат,
 Как рычаг свалился в омут.
 Разрешите взлет-посадку
 В треугольную площадку.
 А семиугольный взлет
 Нам никак не подойдет.

Закипела тут работа,
 Что присуща идиотам.
 И огромные лучи
 Освещают кирпичи.
 Шесть субъектов пробудились,
 Шепчет в уши гадость кто-то.
 Черепа зашевелились,
 Две антенны вышли с рвотой.
 Срочно шлют радиограмму
 Позитронные системы.
 Развалились все программы,
 Задымили злые схемы.

Вадим Крымов

GAME OVER

В статье рассматриваются некоторые проблемы исторического развития тюменского музыкального андеграунда и динамики его взаимоотношений с официальной культурой, ставится вопрос о необходимости культурологического акцента на таком явлении, как тюменская контркультура.

Я лежу в канаве, пьяный вдребедень. Тюмень, Тюмень, Тюмень, Тюмень». Порой кажется, что Тюмень заслуживает лишь депрессивно-обличительного гимна, как город, убивающий поэтов, но предоставляющий право говорить от своего имени явной посредственности. Город, который способен вызвать кровную гибельную зависимость, но при этом лишит родственного покровительства — «а у нас никогда и не было Родины, а был лишь наш город Тюмень, а вернее большая и злая деревня». Не случайно все революционные литературно-музыкальные явления за последние двадцать лет происходили исключительно в «подпольной» области, так называемой контркультуре Тюмени, на стыке идей рок-сопротивления, поэтического экстремизма и их дальнейших трансформаций. Наиболее показательным в этом смысле был легендарный период «бури и натиска» (середина–конец 80-х годов). Его осуществляли прежде всего литературно-музыкальная формация «Инструкция по выживанию», группы «Культурная революция», «Кооператив Ништяк», «Центральный Гастроном» и некоторые другие.

*Мы спускаемся в подвалы,
 Мы уходим на подпольные флэты,
 Мы подаёмся в нелегалы,
 И это наш с тобой рок-н-рольный фронт.*

Радикальное творчество, свобода и панк-рок. Надо ли говорить, что панк-рок в Сибири, как водится, был больше, чем панк-рок. Уходом в пограничное подполье искусства и асоциальной жизненной позицией эти люди ставили себя в один ряд со знаменитыми поэтами-преступниками. «Лелея под матрацем портрет Жане» и закладывая почище Вени Ерофеева, «тюменщики» практиковали формы «культурного террора» в экстремальной атмосфере ментовского режима и оборонявшихся обывательских стереотипов.

В родных пределах подобная деятельность вызывала весьма незначительный резонанс. Кучка гениальных дебоширов с горящим спиртом в крови инст-

руктировала главным образом передовые творческие силы европейской части. Однако при этом сибирская «поэзия сопротивления» имела мало общего с малохудожественным пафосом столичного рок-движения и его конформистским потенциалом, что позволило ей стать уникальным феноменом всего отечественного андеграунда, не говоря уже о заслугах в «ментальной реформации» провинциального сознания. В конце 80-х годов основные фигуры «бури и натиска» уезжают из города и в Тюмени наступает противоречивое «смутное время». Из настоящих открытий 90-е дали тюменской контркультуре два имени — «НЕва» и «Sandwich Shoes». Группа НЕва наследовала оголтело-суицидальные тенденции мировоззрения «восьмидесятников», своеобразно трансформируя их в фольклорно-мифологической доминанте собственного творчества. Ее музыкальный стиль можно было бы определить как урбанистический фолк-панк, если бы не личность лидера, «древнерусского камикадзе», Алексея Шлякова (поэта, музыканта и художника), превратившего коллектив в интереснейшее трудноопределяемое явление.

Я капал в пруд бензин

И рисовал иконы

Иссохшимся и старым веником еловым.

Я просто захотел, чтоб все ослепли

И без тоски в слепых глазах залезли в петли.

«НЕва» продолжает действовать по сей день, но, к сожалению, ее принципиальная герметичность от новаторских музыкальных идей заставляет говорить о кризисе группы и всего классического сибирского панк-экзистенса в целом.

В отличие от «НЕвы», появившиеся в середине 90-х «Sandwich Shoes» совершенно не принимали во внимание весь предшествующий опыт тюменских и отечественных деятелей контркультуры. Эта группа, наряду с собственными англоязычными вещами, исполняла кавер-версии песен таких команд, как «Stooges», «Rage Against The Machine», «Green Day» и др., открыто ставя себя в контекст происходящего на мировой альтернативной сцене. Выбор английского языка как языка песенных текстов был сознательным эпатажным ответом на отечественный кризис в этой области (Параллельно с музыкальным проектом работа по преодолению языковой комы искусства и поиску новых художественных форм активно велась в традиционных литературных жанрах в стихии родного языка).

Целенаправленный вывод русского языка за скобки музыкального творчества представлялся радикальным способом разрешения кризиса провинциального сознания, полной аннигиляцией неразрешимых противоречий. Группа предприняла сумасшедшую попытку локально актуализировать местную музыкально-мировоззренческую ситуацию до уровня современных мировых тенденций, освободиться от «родового проклятия провинции» и установить прямую океаническую связь с «бунтарской культурой метрополий».

Действительность сибирского поселения — вязкая, словно сон, пристыженный патологическим толкованием, — стала существовать как параллельная мифология. Фуктически «Шузам» удалось действовать в другой реальности, нежели большинству повязанных первородной уездной убогостью музыкальных коллективов Тюмени.

Разумеется, по достоинству осмыслить то, что они делали, удалось немногим, хотя именно «Sandwich Shoes» подготовили появление в конце 90-х своеобразного музыкального поколения «drive-kids», представленного такими группами, как «А. Т. О. М.» и «БРАУНИНГ». Многими «drive-kids» воспринимаются как группы принципиально новаторского характера, творчество которых удачно

Мирослав НЕМИРОВ

Помпезный месяц май —
 жара и лень —
 уходит в июнь, как поезд
 в тоннель;
 выходишь на улицу — там так
 солнце злорадит, что аж в глазах —
 темнота.

Выходишь на улицы скорбеть
 по ушедшей весне.
 Осуществляешь деяния, которые
 делать нудно,
 ибо являются собой сплошное одно
 только «не»:
 не говорить — не встречать —
 не вспоминать — не думать.

Выходишь на улицу думать
 о том и о сем.
 Стих сочинять, дабы миру
 хоть как отомстить.
 Модная тема — изобличать
 ментов,
 Но мне никогда не мешали особенно
 жить менты.

Мне никогда не мешали особенно
 жить менты.
 Мне никогда не мешал особенно
 жить кэгэбэ.
 Мне если чего и мешало,
 так это одна только — ты:
 во всех своих падежах: тебя (р);
 тебе (д); тобой (т); и (н)
 о тебе.

Выходишь по улицам бродить,
 по рюкам весны.
 Заходишь в заведение пить кофе,
 глазеть на девчонок,
 которые свитер надели, но раз —
 забыли штаны.
 и так теперь из них растут
 очень ноги.

ложится на мироощущение новой молодежи. Действительно их инфантильная, но искренняя энергичность и ориентация на не самые худшие западные образцы внушает некоторые надежды, однако, к сожалению, слишком очевидна неоправданная подмена глубокого оптимистического интереса к жизни поверхностной юношеской гуттаперчивостью, способной привести в конечном итоге к конформистской беспринципности и уязвимой художественной позиции. Поэтому, уместнее было бы говорить о «drive-kids», как о явном проявлении на музыкальном уровне критической стадии разложения провинциально-совкового способа мышления, первый удар которому был нанесен периодом «бури и натиска», второй — океанической апелляцией «Sandwich Shoes».

Обращая взгляд из контркультурной территории в «царство мертвых», то есть на поле официальной культуры, в очередной раз вынуждены констатировать, что она по сути и по уровню является крепостной, беспомощным шереметьевским театром, холостой стрельбой по уже пораженной другими цели. Ее губительная эманация адресована наглухо табуированному сознанию обывателя и среднестатистического интеллигента-ботана, которые способны гипнотически повиноваться «нордической мощи военных парадов», а не оценивать художественную силу образа и позитивную деструкцию ментального бунта. Споры о тающей роли культуры в массовом самосознании местного жителя абсурдны и смехотворны по определению. Процесс этот неизбежен в силу очевидной неактуальности и художественной ничтожности всего того, что принято относить к провинциальной «культурной сфере», способной, как правило, лишь агрессивно культивировать образцы неконвертируемого транссибирского маразма. И ежу понятно, что подлинная энергия, способная детонировать местную культурную ситуацию, находится за пределами официально декларируемых «творческих» структур. Однако и в так называемой альтерна-

тивной среде, откуда, казалась бы, следовало ждать экспансии нового искусства, на сегодняшний момент наблюдается полное отсутствие качественно фрондирующей молодежи, что является главным признаком глубочайшего кризиса. Можно предположить, что на рубеже тысячелетий местная тоскливая официальная культура и пресловутый андеграунд в его теперешнем состоянии «находятся в одной лодке» и ждут, когда появятся «юные волки нового авангарда» и без сожаления вышибут мозги этому парадоксальному содружеству.

Владимир Борисович Медведев

ТЮМЕНСКИЙ САМИЗДАТ: НОВОСТИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Рассмотрим историю самиздатовской прессы в Тюмени. Для удобства будем считать, что сохранились самые лучшие и достойные упоминания номера и издания, потому что их жалко было выбрасывать (Хотя как раз лучшие часто гибнут в первых рядах).

УИнтересно, что расцвет самиздата в Тюмени приблизительно совпал по времени с «книжным бумом». Это наталкивает на мысль объединить в одной таблице события, происходящие в стране, и события, происходящие в самиздате, и убедиться, что никакой взаимосвязи между ними нет.

Самодельные журналы вообще можно условно разделить на три категории – тусовочные, литературные и рок-музыкальные. Рок-музыка оказалась объединяющей идеей, поэтому все самиздатовские журналы в Тюмени в этот период времени прямо или опосредованно связаны с местным рок-движением. Периодичность выпуска зависела от такого количества причин, что казалась бессистемной, а тираж – от наличия холявной копировальной техники.

Первым подобным тюменским самиздатовским изданием считается журнал «Проблемы отоларингологии», выпущенный в 1985 г. талантливым поэтом и писателем Мирославом Маратовичем Немировым под впечатлением от посещения Ленинградского рок-фестиваля и от знакомства с тамошним самиздатовским журналом «Рокси». Автор объяснял название так: «Ухо – чтобы слушать, горло – чтобы пить портвейн, а нос – вынюхивать что-нибудь интересное». Тираж составил где-то около семи экземпляров. Большую часть занимала статья Немирова о Майке Науменко с массой различных измышлений и детальным разбором текстов. Объем журнала составлял около ста страниц машинописного текста. Лично сам я этого журнала не видел, но его стоит упомянуть как самый первый.

Следующий выпуск журнала назывался «Сибирская Язва» и был в основном посвящен местному панк-року. Он вышел в свет в декабре 1987 г., создателями были Роман Неумоев, Мирослав Немиров и некто Селиванов. Содержание его было в целом традиционно для такого типа журналов. Необычно скомпонован материал: журнал состоял из двух больших статей: «Новости этой весны» и глобального, на 25 страниц, интервью(?) «Панки в своем кругу». Эти два основных материала были разбиты на части, между которыми вставлялись материалы более мелкие и менее важные.

Вначале шли «Общие новости». «Общие новости» представляли собой хроники выступлений группы «Инструкция по Выживанию» в Тюмени и в Свер-